

УКРАИНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И РУССКАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ

В.Б. Пастухов

Ключевые слова: “оранжевая революция”, национальное самоопределение, российская “реставрация”, революция и контрреволюция, взаимозависимость России и Украины.

“Из Назарета может ли быть что доброе?”
Евангелие от Иоанна (1:46)

Юность я провел в Украине, поэтому хорошо помню, что киевская погода всегда “делалась” в Москве. И московские заморозки, и московские оттепели с опозданием в несколько дней приходили в Киев. С годами мне стало казаться, что это касается не только погоды, но и более широкого круга вещей. Киев запоздалым эхом отзывался на все социальные и политические перемены, происходившие в Москве.

Сложнее дело обстояло с Москвой. Она с неохотой признавала, что может быть подвержена внешним влияниям, даже погодным, не говоря уже о политических. И, если такие влияния все-таки имели место, то они, как правило, носили латентный характер. Однако в одном случае Москва все же непосредственно, хоть и асимметрично, отреагировала на события в Украине. Да так мощно, что политические последствия этой реакции оказались более долгосрочными, чем спровоцировавший их катаклизм. Но об этом чуть позже.

На самом деле русская политика всегда формировалась как комплексный ответ на внутренние и внешние вызовы. И хотя казалось, что русские революции есть сугубо русское изобретение, они удивительным образом четко вписывались в мировой контекст. Многие врачи полагают, что при стрессе в человеческом организме всегда “звучит” слабое место. Россия уже несколько столетий является “слабым местом” европейской политики, которое первым громко “звучит” каждый раз, когда к Европе приближается кризис.

Однако случай с Украиной особый. Россия и Украина в силу понятных причин составили своеобразную политическую “экосистему”. Все, что случается на одном полюсе этой системы, тут же приводит к изменениям на ее другом полюсе. Россию и Украину связывает политическая дорога с двусторонним движением, хотя многим и кажется, что все машины по ней едут только в одну сторону.

Событием, на которое так бурно отреагировала Россия, была украинская “оранжевая революция”. Она повлияла на внутривнутриполитическое развитие России не меньше, чем на внутривнутриполитическое развитие самой Украины. Воспринятая поначалу как сильное, но разовое потрясение, она оказалась своеобразным “украинским Эйяфьятлайокудлем”, методично посыпающим пеплом российское политическое пространство.

УКРАИНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Ирония по поводу украинской политики давно стала общим местом в Москве. “Украинизация политики” — страшный сон правящей российской элиты. Украинская политика — это повод для шутки, намек на то, что бывает и хуже. Об украинском политическом стиле в Москве можно высказываться только несколько свысока, по-отечески пренебрежительно и только с облегчением: ну, мы до этого, надеюсь, не доживем. За это ничем не оправданное высокомерие Россия однажды может заплатить высокую цену. Вдруг выяснится, что она долго смеялась над собой. Феномен современной украинской политики заслуживает того, чтобы о нем говорили всерьез.

На первый взгляд, политическое будущее Украины кажется беспросветным. Не исключено, что так оно и есть. Но, все-таки, было бы грубой ошибкой впадать в этом вопросе в абсолютный пессимизм.

Не существует раз и навсегда данных оптимальных форм политического устройства. Внешняя слабость украинской государственности не исключает ее внутренней стабильности. На мой взгляд, политический строй современной Украины вполне адекватен переживаемому этой страной историческому этапу поиска собственной национальной идентичности. Ее государственность более устойчива, чем это представляется многим наблюдателям. В связи с этим слухи о скором распаде Украины я бы назвал несколько преувеличенными.

Украина сегодня находится в зоне “сейсмической опасности”. Она имеет все шансы стать в течение ближайших десятилетий страной непрекращающейся правительственной чехарды, междоусобных парламентских и внепарламентских войн, постоянного соединения и разъединения партий, гротескных политических союзов и театрально злодейских политических предательств. Не раз в связи с этим, к месту и не к месту, будет помянут и старый польский сейм, и шляхетская заносчивость, и малороссийское упрямство, придающие такой неподражаемый колорит украинской политической жизни.

Хорошего в этом, конечно, мало. Политическая нестабильность, да еще в условиях перманентного экономического кризиса, — штука нежелательная, быстрому экономическому росту способствовать она будет вряд ли, и “украинского чуда” мировая экономика, по всей видимости, скоро не увидит. Но, по правде говоря, и при полной политической стабильности оно Украине не особенно светит. Тут одной стабильностью не обойдешься.

Однако не все то, что плохо, является смертельным. Да, политическая неразбериха, баррикады в парламенте и даже депутатский мордобой со спецтехникой не украшают политический ландшафт. Но от этого не умирают. Эта болезнь излечима, и ставить на этом основании крест на украинской политической системе, а тем более — на будущем Украины, преждевременно.

В мире есть десятки вполне благополучных стран, для которых хроническая правительственная недостаточность, парламентский склероз и партийное недержание либо в прошлом (Италия), либо в настоящем (Бельгия), либо в будущем (не исключено — Великобритания) представляются нормальным явлением. Причем в некоторых из них такие состояния длились десятилетиями. Это, тем не менее, не привело ни к их распаду, ни к коллапсу их экономик, хотя и затрудняло развитие (впрочем, и тут непонятно, что было причиной, а что — следствием). И, напротив, есть много стран, демонстрирующих,

можно сказать, абсолютную политическую стабильность (Северная Корея), которая, однако, не особенно им помогает в экономическом развитии.

Откровенно говоря, политическая стабильность в современной Украине выглядела бы противоестественно. Страна буквально на ощупь формирует приемлемый для нее политический курс, отвечающий пока смутно осознаваемым ею национальным интересам. Мне кажется, что украинское общество инстинктивно жметя к середине, стремясь избегать крайностей и блокируя самые радикальные популистские течения. Внешняя расхлябанность украинской политической жизни помогает успешнее решать эту задачу.

Янукович на самом деле реализует не русскую, а украинскую национальную программу. Если он и выглядит сегодня излишне “прорусским”, то лишь потому, что сменил на посту президента Ющенко, который на самом деле давно оторвался от реальной почвы национальных интересов Украины, реализуя свою личную политическую программу, отражающую взгляды лишь определенной части украинской интеллигенции. Так любой, кто сменил в свое время Саакашвили, будет казаться пророссийским политиком, хотя это практически невозможно в современной Грузии.

В интересах Украины сбалансированная, многовекторная политика, ориентированная как на Восток, так и на Запад. При других условиях ни экономически, ни политически Украина не сможет состояться как самостоятельное государство. Поскольку при Ющенко был сделан опасный крен в одну сторону, Янукович на первых порах его выправляет, выравнивая курс. Можно практически не сомневаться в том, что, как только он стабилизирует “восточное” направление своей политики, его внимание переключится на Запад, и он с не меньшим рвением, чем его предшественники, будет добиваться интеграции Украины в европейское пространство.

Даже в пресловутом вопросе о Черноморском флоте в Крыму Янукович реально действует в национальных интересах Украины, чего, кстати, нельзя с такой же уверенностью сказать о России, которая действует более под воздействием идеологических, а не прагматических соображений. Черноморский флот никоим образом не угрожает национальной безопасности Украины и, как выяснилось, даже не препятствует ее интеграции в ЕС и НАТО. И даже если говорить о “национальной гордости малороссов”, то наличие базы Черноморского флота в Крыму ущемляет ее не более чем наличие американских баз в Европе, например, в Италии. Зато это помогает Украине решить целый комплекс насущных проблем, причем не только экономических, но и социально-политических, стабилизируя, например, ситуацию в Крыму.

России же военная база в Севастополе практически не нужна. С сугубо военной точки зрения ей выгоднее развивать собственную морскую базу в Новороссийске. Я думаю, что нет никаких оснований не доверять Путину, сказавшему, что в цену соглашения можно было бы уложить строительство нескольких таких баз. Но Россия пока действует в духе политики “символов” и политики “исторической памяти”. В рамках такой же эмоциональной политики “символов” действуют и внутренние оппоненты Януковича по вопросу о базировании Черноморского флота. Их протест не основан на рациональных аргументах, а целиком и полностью мотивирован оскорбленным “национальным чувством”.

Здесь интересно заметить, что в свое время получивший независимость от Великобритании Сингапур активно боролся за то, чтобы военная база Великобритании как можно дольше оставалась на его территории, поскольку это помогало решать огромное количество социальных, экономических и внешнеполитических задач. Тем не менее, Британия, руководствуясь экономическими соображениями, ограничила срок пребывания своего флота на территории независимого государства одним десятилетием, предоставив сингапурскому правительству возможность самостоятельно решать свои экономические проблемы.

Это не значит, что соглашение по флоту является ошибкой. У него есть не только политическое или экономическое, но и геополитическое измерение, и, возможно, в этом измерении оно имеет для России определенный смысл. Но совершенно очевидно, что на сегодняшний день это соглашение соответствует национальным интересам Украины, и, подписывая его, Янукович ни в коей мере не отклонился от генеральной линии на укрепление украинской государственности.

Если же Янукович “зависнет” на восточном направлении, то именно “слабость” правительства позволит оппозиции “подкорректировать” его политику в сторону нейтрального политического курса. Впрочем, и оппоненты Януковича будут обременены теми же ограничениями. Таким образом, политический уклад Украины способствует, как ни странно, выработке сбалансированного политического курса, не позволяя Украине опасно отклоняться как в сторону России, так и в сторону Запада. И в этой возможности коррекций обнаруживается сильная сторона слабой власти. Какие бы ни случались в Украине политические “завихрения”, они поддаются “лечению” в режиме “*on-line*”, не превращаясь в хроническую болезнь. Хронической является только слабость самой власти.

Россия из года в год допускает одну и ту же ошибку – смотрит на политическую жизнь Украины сквозь призму русского опыта. Но Украина живет своей логикой. Это логика развертывания вширь и вглубь национальной революции. Рано или поздно России придется признать эту украинскую национальную революцию в качестве главного фактора, формирующего ауру политической жизни в Украине.

Пока же Россия концентрирует свое внимание на второстепенных деталях: вмешательстве Запада (да, имеет место); авантюризме лидеров украинского “оранжизма” (кто бы сомневался); попеременно сменяющемся друг друга доминировании то западно-украинской, то донецко-днепропетровской элит (и это будет долго продолжаться). Но в России забывают о главном – все это происходит на фоне широкого национального движения, в рамках которого украинский народ мучительно формирует свою новую культурную и политическую идентичность. И именно это движение сглаживает все углы, интегрирует в единое целое то, что, казалось бы, не может существовать под одной государственной крышей, заставляет разнонаправленные силы двигаться, в конечном счете, в одну сторону.

По всей видимости, необходимо различать “движение за независимость” и “движение к самоопределению”. Независимость не приводит автоматически к самоопределению. Более того, независимость может быть обретаена в исто-

рически краткие, обозримые сроки. Обретение самоопределения — это всегда очень длительный процесс, растянутый на десятилетия. Получившее независимость государство продолжает в течение долгого времени строить свою политику “от противного”, отталкиваясь от бывшей метрополии как от точки отсчета. Нужны годы и годы, чтобы политический курс молодого государства начал вырабатываться из своих собственных основ. Это и является признаком достижения подлинного самоопределения.

Украина еще долго не будет точкой отсчета для своей собственной политики. Пока эта политика определяется по шкале “уход—приход” от России или к России. Украина цепляется за мнимую внешнюю определенность, чтобы скрыть реальную внутреннюю неопределенность. Впрочем, так же, как украинцы должны научиться самоопределяться не от противного (от России), а от самих себя, так и русские должны привыкнуть к тому, что политическая жизнь в Украине есть нечто большее, чем механическая борьба прорусских и антирусских сил. “Оранжевая революция” в этом смысле была всего лишь одним из многих шагов по пути украинского самоопределения.

Есть нечто, что находится вне украинской политики, но задает ее общие параметры, направление, рамки, что обеспечивает, в конечном счете, ее внутреннее единство, ее органичность. Если не принимать это “нечто” во внимание, то все прогнозы в отношении Украины превратятся в цепь ошибок и заблуждений. Может быть, Украине потому и не нужно сегодня “сильное государство”, что у нее есть что-то большее, чего нет в России — та самая национальная идея, которая способна обеспечивать единство общества неполитическими средствами.

Если мы хотим ориентироваться в украинской политике, если мы хотим правильно строить прогноз, мы должны изменить свое отношение к украинской “оранжевой революции”. Сегодня оно в Москве донельзя примитивно. И тот факт, что пришедшая сегодня к власти в Украине команда готова разделить этот взгляд на украинскую революцию, не может быть аргументом. Помимо своей воли сегодняшней Янукович является в большей степени порождением “оранжевой революции”, чем ее жертвой. Янукович образца 2004 г. и Янукович образца 2010 г. — это два разных политика.

Современное украинское общество в целом создано, вернее — перевоссоздано, “оранжевой революцией”. Как и любая революция, она выглядит следствием совпадения случайных событий, каждое из которых в отдельности можно было бы легко предотвратить: если бы Кучма был чуть жестче, а американский посол, напротив, чуть деликатней, спецслужбы более эффективны, а политтехнологи менее амбициозны, то, может, ничего бы и не произошло...

Однако через случайности история прокладывает себе дорогу. России рано или поздно придется сделать болезненный шаг и признать историческую значимость “оранжевой революции”, хотя бы для того, чтобы восстановить адекватность своего восприятия украинской политики. Эта революция была не только ответом на чьи-то происки и ошибки, но и отразила искания украинским народом своей новой исторической и культурной идентичности, стала важным этапом в становлении его государственности. Причем, когда я говорю об украинском народе, я имею в виду и этнических русских, проживающих в Украине, и всю огромную массу ее “русскоговорящего” населения.

Но дело не только в этом. Проблема еще глубже. Непонимание природы “оранжевой революции” имело долгосрочные последствия не только для внешней политики России, но и для ее внутренней политики. И этот невыученный урок украинской революции может оказаться самым главным.

РУССКАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ

Шестой год призрак бродит по России, призрак украинского “майдана”. Он пугает властные элиты, заставляет принимать крутые меры, оправдывает политические жертвы. Украинская революция аукнулась в России “бархатной контрреволюцией”.

Категории “революции” и “контрреволюции”, особенно в применении к современной России, несколько условны. Феноменальной особенностью России является ее способность, меняясь до неузнаваемости внешне, оставаться внутренне неизменной. Впрочем, наверное, это можно сказать о развитии любой мировой цивилизации до того момента, пока не произойдет ее надлом и не начнется смена культурной парадигмы. Просто в России это качество “изменчивой неизменности” проявляется как-то особенно рельефно.

Впрочем, это естественно: революционная Россия не становится Францией, а продолжает быть Россией, другой, чем прежде, но все-таки Россией. С одной стороны, не надо вооружаться микроскопом, чтобы разглядеть в облике современной России до боли знакомые советские и даже “досоветские” черты. С другой стороны, не стоит заблуждаться, во многом это уже совершенно другое общество и государство. Как и любая революция, та революция, которую Россия пережила на рубеже 80-90-х годов прошлого века, была не абсолютной, а относительной.

Но тем не менее революционные изменения, как шрамы от ран на теле, уже никуда не исчезнут, они до конца необратимы. И несмотря на то, что Россия сегодня переживает период “реставрации”, когда “советские” формы активно возвращаются в экономику (монополии), политику (однопартийная система) и идеологию (государственный патриотизм), революция на самом деле продолжается. Формы эти теперь “скрывают” другое содержание, и, скорее всего, не долго (по меркам истории, но не человеческой жизни) будут оставаться неизменными.

То есть переживаемая сегодня видимая контрреволюция, бросающийся в глаза откат к прежним формам и ценностям, является все еще частью русской революции, ее скрытым продолжением. Может быть, самой интересной и самой трагичной ее частью. Это та стадия революционного процесса, когда изменения должны коснуться самой ментальности, дойти до глубинных пластов, определяющих социальную и политическую жизнь. Переход этот, для любой революции очень болезненный, свершился в России на рубеже 2003-2004 гг. Эта точка была зенитом славы последней русской революции, после чего она перешла в стадию своего собственного отрицания.

Этот перелом имел много внутренних причин, созрел не один год, полностью вписывался в политическую логику развития России. Но помимо причин нужны были и поводы. По иронии судьбы поводом для развертывания русской контрреволюции стала украинская революция.

Целиком влияние “оранжевой революции” на политическую жизнь в России так до сих пор и не осознано, как целиком не понята природа самой “оранжевой революции”. Возможно, однако, что она была одним из ключевых факторов (наряду с сепаратизмом и терроризмом), обусловивших кризис внутренней политики Владимира Путина, прочертивших такую резкую границу между первым и вторым сроком его президентства.

Вне всякой зависимости от украинских событий к 2003-2004 гг. обозначился глубокий надлом внутренней политики России. Этот надлом в значительной степени был обусловлен двумя сугубо внутренними факторами: борьбой с независимыми от власти центрами экономической власти (“олигархами”) и борьбой с терроризмом и сепаратизмом. Именно на эти годы приходится качественный сдвиг в отношениях между властью и бизнесом — от достаточно локальных “дела Гусинского” и “дела Березовского” Кремль перешел к имеющему системообразующее значение для всей российской внутренней политики “делу Ходорковского”. 2004 г. также стал самым трагическим годом для России, унесшим наибольшее число жизней жертв террористических атак.

Тем не менее, смею утверждать, что непосредственной причиной крутых и, по-видимому, необратимых перемен во внутренней политике России стала именно реакция на “оранжевую революцию”, а не на теракт в Беслане. Активная фаза начавшейся 22 ноября 2004 г. украинской революции завершилась 3 декабря 2004 г., когда Верховный суд Украины принял решение о проведении “третьего тура” выборов президента Украины. В этот день Государственная дума Российской Федерации приняла в третьем чтении президентские поправки в законы, регулирующие порядок проведения выборов и назначения губернаторов.

Коррекция, которой политическая система страны подверглась в 2003-2004 гг., до сих пор не получила должной политической оценки. А ведь, по сути, речь идет о контрреволюционном перевороте, в ходе которого были подвергнуты ревизии базовые политические достижения 1990-х годов. Это стало новой точкой отсчета российской политики. Изменения имели более глубокие последствия для жизни страны, чем это многим представляется. Речь идет отнюдь не о формальных переменах в работе политических институтов.

Смысл осуществленного “конституционного поворота” состоял в том, чтобы убрать из политической жизни реальную конкуренцию. Реальная правовая и политическая практика пошла дальше того, что было записано в новых законах. По сути, оказалось заморожено дальнейшее формирование законодательной и судебной ветвей власти, а также элементов местного самоуправления. После этого российские политические институты разом “обвисли” как сдувшиеся шарики. Ведь конкуренция — это кровь политической системы: если слить кровь, останется ее бальзамированный труп, который годится лишь на то, чтобы его демонстрировали в “полит-анатомическом” музее.

Если бы не события в Украине, этот поворот вряд ли носил бы столь радикальный характер. Кремль с самого начала находился под гипнотическим влиянием доктрины “империалистического заговора” даже не столько против самой Украины, сколько против России “в лице Украины”. Поэтому внутренние причины и глубинные предпосылки “оранжевой революции” практически не при-

нимались в расчет. Напротив, внешним причинам и сопутствующим факторам, которые также имели место, уделялось чрезмерное внимание.

Украинская революция была воспринята исключительно как заговор внешних врагов, опирающийся на поддержку “пятой либеральной колонны” внутри общества и власти. Спроецировав “майдан” на “Красную площадь”, Москва, начиная с 2004 г., стала активно устранять из политической жизни России все, что прямо или косвенно могло бы привести к повторению здесь “украинского сценария”. Это была сознательная политика, но еще в большей степени — инстинктивное движение “политической души”.

Была проведена (не только по этим причинам, но в том числе и по этим) тщательная ревизия политических институтов, общая направленность которой, как уже говорилось, сводилась к снижению уровня политической конкуренции. Были в значительной степени снижены возможности финансового и организационного влияния извне на деятельность общественных объединений, а заодно окончательно подорвана и так не очень основательная база для их деятельности. Была создана икебана из искусственных политических цветов, вроде движений “Наши”, “Местные” и проч., которая должна была разнообразить ставший более унылым политический пейзаж. Но чем более последовательно внедряются в жизнь эти меры, тем больше сомнений возникает в их эффективности.

Главная ошибка Кремля заключается в том, что он рассматривает революцию вообще и “оранжевую”, в частности, как продукт рациональных усилий определенных общественных групп, направленных на дестабилизацию существующего политического режима. В действительности исторический опыт учит, скорее, тому, что сознательные усилия играют в рождении революций минимальную роль. Революцию нельзя сделать, к ней можно только быть готовым (что тоже важно), но ее нельзя организовать.

Революция есть явление иррациональное по своей природе и, соответственно, происходит вне всяких планов и прогнозов, как со стороны тех, кто ее ждет, так и со стороны тех, кто ее хочет предотвратить.

Революция есть ответ истории на иррациональность существующего социального и политического уклада. И, если что и готовит революцию, то это накопление в общественной жизни неразрешимых и поэтому не разрешаемых противоречий, которые заводят общество, в конечном счете, в тупик. Революция и становится выходом из такого тупика. Это — лекарство, которое история применяет по принципу “лечи подобное подобным”. Революция иррациональным путем разрешает иррациональные же противоречия старого строя, чтобы расчистить дорогу для новой более или менее рациональной эпохи.

Действительные корни украинской революции надо искать не в потайных комнатах американского посольства в Липках, а в кабинетах Президентской администрации Кучмы на Печерских холмах, которая к 2004 г. окончательно запуталась в политических интригах, впала в ступорозное состояние, потеряв всякую волю к политическому руководству украинским обществом. Общество нуждалось в переменах, которые некому было предложить.

Поразительно, но в темпах деградации Украина тогда сильно опережала Россию. Администрация Кучмы “правила”, но не “управляла”. Реальная власть находилась в руках “генералов-олигархов” и “чиновников-магнатов”, кото-

рые и определяли политический курс страны. Сам Кучма был не более чем “первый среди равных” в этом ряду. Он уже не столько руководил этим сословием, сколько был вынужден представлять его интересы.

Символом иррациональности власти в Украине в тот момент стало расследование убийства журналиста Георгия Гонгадзе. И дело не в самом убийстве, политические и заказные убийства — такая же реальность современного мира, как и все остальное (достаточно вспомнить так и нераскрытое убийство Кеннеди). Дело было в бессмысленности этого преступления и необъяснимом цинизме, который при этом проявляли власти, спуская дело на тормозах, препятствуя признанию очевидных фактов. Когда к делу Гонгадзе добавились кассеты майора Мельниченко (мнимые или реальные — не имеет значения), якобы зафиксировавшие разговоры президента с ближайшим окружением, власть была обречена. Это был лишь вопрос времени.

Поразительным образом ничто так не повысило революционную опасность в России за последние годы, как предпринятые Москвой после 2004 г. “антиреволюционные меры”. В результате этих “антикризисных мер” произошла своеобразная закупорка политических сосудов. Политическая система стала закрытой, замкнутой только на себя. Как результат в ней началось быстрое накопление “шлаков”, которым некуда было деться, и поэтому они оставались внутри системы в виде тех самых неразрешимых противоречий, которые и являются “накопительным фондом” для любой революции.

Чем больше накапливалось “шлаков”, тем иррациональнее становилась российская политическая жизнь, пока не стала, наконец, напоминать “повседневную жизнь Киева” в эпоху позднего Кучмы. То есть, убегая от Украины революционной, Россия стала напоминать Украину дореволюционную.

Символом растущей иррациональности русской власти, как и в случае с Украиной образца 2004 г., стало ничем не примечательное на первый взгляд убийство в тюрьме юриста Сергея Магнитского. Значение дела Сергея Магнитского не в исключительности самого убийства (в российских тюрьмах ежегодно умирает несколько тысяч заключенных, из них около четверти — до суда), а в бессмысленности, даже абсурдности действий властей, пытающихся спустить на тормозах расследование. Дело Магнитского — это русская версия дела Гонгадзе. Также как и в деле Гонгадзе, обстоятельства, всплывающие в связи с расследованием преступления, дискредитируют власть больше, чем само преступление.

Возникает парадоксальная ситуация. Оранжевая революция свою историческую миссию выполнила, разрубив “гордиев узел” противоречий старого режима. Она перевела политические отношения в достаточно рациональную плоскость. Конечно, наблюдать за этими “рациональными” отношениями без слез трудно. Но это вопрос не столько политики, сколько культуры. В любом случае конфликты сейчас разрешаются в открытой, пусть и не всегда приличной форме.

В России, напротив, борьба с возможностью революции зашла так далеко, что поначалу невозможное начинает казаться реальным. Закупорив все щели, через которые в политику могла просочиться конкуренция и “внешнее влияние”, Москва превратилась в заложницу своей предусмотрительности. Ее закрытая, плохо управляемая политическая система перестала адекватно

реагировать на вызовы времени. Политическая жизнь в современной России сегодня иррациональна, а это первый признак надвигающейся революции.

По поводу цвета этой революции можно поспорить. Вряд ли она будет раскрашена в такие праздничные цвета, как в Киеве. Но это делает положение еще более удручающим.

“РЕВЕРСНОЕ” ДВИЖЕНИЕ

Если кратко суммировать, какие полезные уроки могла бы сделать Россия, анализируя причины и следствия “оранжевой революции”, то можно остановиться на нескольких достаточно простых выводах:

1. Слабая власть при наличии национальной идеи лучше, чем сильная власть при ее отсутствии.

Если интеграция общества обеспечена неполитическими средствами, т.е. существует нечто (идея или рынок, а лучше и то, и другое), что формирует национальное движение, то и при слабом правительстве такое общество может быть вполне жизнеспособно и стабильно.

2. Нестабильная политическая система имеет свои преимущества и зачастую создает полезную конкурентную политическую среду.

Слабое правительство иногда дает возможность формирующемуся обществу менее болезненно совершать судьбоносные повороты в своей истории, позволяя избегать крайностей радикализма, обеспечивать выплеск избыточной политической энергии и не допускать застоя.

3. Слишком активная защита от революции, как правило, приводит к обратному результату.

Чем более закрытым становится общество, тем больше риск возникновения в нем “революционной ситуации” вследствие накопления не решаемых властью проблем и блокирования каналов для утилизации социальной энергии масс.

4. Лучший способ предотвратить “революцию снизу” – вовремя провести “революцию сверху”.

Если в обществе начали накапливаться неразрешимые противоречия, они рано или поздно все равно приведут к революции, которая станет ответом на иррациональность политики правящих элит, какие бы защитные меры не предпринимались. Единственный способ для элит предупредить революцию – произвести назревшие перемены самим без участия масс.

Сегодня у нас наблюдается редкая возможность наблюдать за движением отраженной волны “оранжевой революции”, причем как в России, так и в Украине.

В России, по мере того, как политика “профилактики революции” все больше заходит в тупик, возникает неподдельный интерес к тому, как устроен политический процесс в Украине, которая умудряется выживать без “вертикали власти”. В Украине, напротив, разочарованное в результатах “оранжевой революции” население все чаще засматривается на Россию с ее иллюзорной “железобетонной” стабильностью. Не исключено, что в следующей версии “российско-украинского политического тандема” мы увидим несколько “подмороженную” Украину и “разгоряченную” Россию.